

ЭНДРЮ ЛЛОЙД УЭББЕР

создатель мюзиклов «Кошки», «Призрак оперы»
и «Иисус Христос суперзвезда»

СНИМАЯ МАСКУ

АВТОБИОГРАФИЯ КОРОЛЯ МЮЗИКЛОВ

БОМБОРА™

Москва 2019

Моей сказочно неpolitкорректной тетушке Ви,
с которой я уже не могу поделиться этими историями.

Содержание

Пролог	7
Увертюра и Запевалы	8
1. Персей и Компания	11
2. Волшебные руины	15
3. Тетушка Ви	26
4. Бледный оттенок чего-то, что не очень на первый вкус	37
5. «Любите ли вы кошек, мистер Ллойд Уэббер?»	49
6. Вступает Тимоти Майлз Биндон Райс	56
7. Юношеские оперы, поп-кантаты	68
8. Элвис с меллотроном и бубнами	80
9. О чем бы ни мечтал	90
10. «Был ли Бог на стороне Иуды Искарюта?»	102
11. Любовь меняет все, кроме...	115
12. «Иисус Христос — суперзвезда» знакомится с Робертом Стигвудом	130
13. «Иисус» едет на Бродвей	145
14. Тяжелый случай Эдварда Вудварда	155
15. «Suddenly There's a Valet»	164
16. Сид	176
17. Неуправляемая машина, несущаяся прямо в пропасть	186
18. Эва и Хуан	195
19. Долгое жаркое лето и звуки парагвайской арфы	207
20. Песня, из-за которой опустели танцполы	221

21. Имоген и Никколо	230
22. «Вариации»	239
23. Really Useful	252
24. «Расскажи мне в воскресенье»	262
25. «Искусный памятник человеческому непотребству»	274
26. «Shaddap and Take That Look Off Your Face»	277
27. Мистер Макинтош	282
28. «Все персонажи должны быть кошками»	290
29. «Последний Бой Тигриного-Рыка»	307
30. Обтягивающие костюмы, гетры и разделочные ножи	324
31. «Песня и танец» и сон	340
32. «Самый отвратительный жанр «музыки», придуманный человечеством»	353
33. Мисс Сара Брайтман	367
34. «Ахахахаха!!!»	383
35. «Реквием»	395
36. Озарение	401
37. «Большое отличие от книги»	408
38. Год «Призрака»	417
39. В другой части вест-эндовского леса...	425
40. Мистер Кроуфорд	430
41. «Let Your Soul Take You Where You Want to Bel»	437
 Финал	 443
Благодарности	447

Пролог

Я долго не хотел писать собственную биографию. Автобиографии, как правило, служат корыстным интересам. И моя — не исключение. Эта книга — результат трудов моего близкого человека и по совместительству литературного агента Эда Виктора, который всячески подначивал меня рассказать мою историю так, как я сам хочу. И я поддался на его уговоры, но, прежде всего, для того, чтобы он уже наконец замолчал. Следовательно, эта книга — не моя ошибка.

Я собирался уместить мемуары в один том, но потерпел фиаско. Здесь, например, вы найдете очень мало о моей любви к живописи, которая наряду с архитектурой и музыками является одной из моих жгучих страстей. Я решил, что сага о том, как я собрал достаточно старомодную коллекцию викторианской живописи и прерафаэлитов, — это уже совсем другая история. Изворотливые арт-дилеры, которые столько раз пытались меня надуть, могут спать спокойно. По крайней мере, пока.

Этот средних размеров фолиант упорно глохнет на первом показе «Призрака Оперы». Как я мог написать так много о самом скучном человеке, которого когда-либо встречал, остается для меня загадкой. В какой-то момент я даже попытался втиснуть самые яркие этапы своей карьеры в одну компактную главу. Как Вагнер, который блестяще умещал все свои лучшие мелодии в увертюрах к операм. Но я потерпел полный крах. Единственное, что роднит меня с Вагнером, — это длина.

Итак, перед вами часть моей саги. Если вы поклонник такого рода историй, смело ныряйте. Если нет, я оставляю вас наедине с этой мыслью. Счастлив тот, кто знает, чем хочет заниматься в жизни. Неввероятно счастлив тот, кто может заниматься тем, чем хочет. И богат как Крез (как выразилась бы моя тетушка Ви) тот, чья карьера с взлетами, падениями и препятствиями подобна моей в том чудесном уголке шоу-бизнеса под названием музыкальный театр.

Эндрю Ллойд Уэббер

Увертюра и Запевалы

До меня была Мими. Мими была обезьянкой. Ее подарил моей матери Джин один слабоватый гибралтарский тенор, к которому она испытывала нежные чувства летом 1946 года.

Мими и мама, должно быть, казались достаточно странной парой, блуждая по разрушенным бомбами улицам Южного Кенсингтона. «Южный Кен» был местом, где моя бабушка Молли снимала квартиру в доме, который люфтваффе Гитлера каким-то чудесным образом пропустили. С ней жили мои родители и Мими.

Моя любимая бабушка Молли происходила из семьи Хеманс. Той самой, к которой принадлежала поэтесса Фелиция Хеманс, написавшая «Касабьянку», скорбную песнь, знакомую каждому школьнику в прошлом столетии.

Бабушка была интересной дамой, в том числе из-за своих странных политических взглядов. Она была сооснователем Христианской Коммунистической партии, которая просуществовала недолго и была противоречива по своей сути. У нее была сестра — великая тетушка Элла, — которая вышла замуж за младшего художника из группы Блумсбери и, я не шучу, держала кафе для дальнобойщиков на трассе А4 за пределами Рединга, где разводила кур.

Бабушка вышла замуж за какого-то военного лоботряса, но вскоре развелась с ним. Не каждая девушка в 1920-х годах осмелилась бы на такой шаг. Бабушка рассказывала, что смыла свое обручальное кольцо в унитаз в одну из первых брачных ночей. Однако незадачливый муж, вероятно, достаточно времени ошивался рядом, чтобы стать отцом трех бабушкиных детей: Аластера, Виолы и, наконец, моей матери Джин. В конце концов, бывший бабушкин муж женился на какой-то русской эмигрантке, представлявшей себя принцессой Анастасией. И это, в общем-то, все, что о нем известно.

Бесспорно, у бабушки была тяжелая судьба. Ее единственный сын Аластер утонул, едва окончив школу, ему было всего восемнадцать лет. Он попал в лодочную аварию недалеко от Суонеджа, на юго-востоке от

Дорсета. На моем рабочем столе стоит его фотография, и, пока я пишу эти слова, я смотрю на человека, который должен был быть моим дядей.

Смерть Аластера сильно повлияла на бабушку, но сильнее ударила по моей матери. Она, можно сказать, повернулась на Аластаре и провозгласила, что у нее с ним ментальный контакт. Удивительно, но я думаю, что у нее действительно была связь с ним. Впрочем, в одном из своих последних писем она обещала после смерти «связаться со мной, когда поймет, как», но до сих пор не выполнила обещание.

В 1938 году бабушка лишилась любимого сына и осталась единственной поддержкой своих двух дочерей. Бывший муж никогда по-настоящему не поддерживал ее и детей, поэтому бабушке пришлось продать большой дом в Харроу Хилл и переехать в съемную квартиру на Харрингтон-роуд в Южном Кенсингтоне.

Встреча мамы и сына водопроводчика, Уильяма Ллойда Уэббера, юного стипендиата и надежды довоенного Королевского колледжа музыки, была судьбоносной. Это была любовь с первого взгляда, и вскоре, несмотря на Вторую мировую войну, родители поженились. Доход отца был близок к нулевому, поэтому он, мама, бабушка и Мими стали жить под одной крышей.

Прошло всего два года после Дня победы в Европе, и этому любовному квадрату пришел конец. Мама забеременела. Мими ужасно огорчилась этому и начала кидаться на мамин живот с кровожадными криками. Мими была первой, кому не понравился Эндрю Ллойд Уэббер. Было решено, что обезьяна должна покинуть Южный Кенсингтон как можно скорее.

Но благодаря мне 22 марта 1948 года количество жителей под бабушкиной крышей вновь увеличилось до четырех.

ПЕРЕМЕСТИМСЯ ВО ВРЕМЕНИ В 1960-е на ту же Харрингтон-роуд 10. В свой пик вместимости, в 1967 году, квартира давала приют бабушке Молли, маме, папе, его огромному электронному церковному органу, лауреату Международного конкурса имени Чайковского Джону Лиллу, Тиму Райсу, моему брату-виолончелисту Джулиану и мне.

Квартира 10 находилась на верхнем этаже одного из тех викторианских особняков, где время от времени работал лифт, но большую часть времени приходилось пользоваться лестницей. Шум с лестницы был оглушительным, но я сомневаюсь, что кто-либо из жильцов обращал на него внимание, ведь гораздо громче были звуки музыки, раздававшиеся из нашей квартиры.

Однажды днем мы с Тимом Райсом спускались по лестнице из нашего зверинца. Джулиан в это время играл дома на виолончели. Внезапно нам преградил дорогу сосед из квартиры под нами: «Я не против пианиста, — сказал он, — но этого гобоиста я вынести не могу».

Однако, каким бы богемным ни был наш дом, мне не терпелось выбраться из него. Особенно, когда мама время от времени угрожала нам с братом выкинуться из окна. Со временем и вам такая жизнь наскучила бы, так что настало время познакомить вас с моей тетушкой. Моей невероятной, восхитительной, неповторимо неpolitкорректной тетушкой Ви, бабушкиной старшей дочерью.

Она была замужем за слегка напыщенным врачом по имени Джордж Кросби, у которого бабушка работала секретаршей. У Ви была короткая актерская карьера. Она была невероятно веселой и смешной; она прекрасно готовила и даже написала несколько кулинарных книг. Она была знакома с несколькими знаменитостями из театрального мира. В ней было все, чего не доставало в нашей семье, и я обожал ее. Она была моим спасательным кругом. Даже спустя пятьдесят лет я опасаюсь озвучивать некоторые ее высказывания. В 1960-х она стала автором первой кулинарной книги для геев, глава в которой «Петух и Дичь» имела следующий подзаголовок: «Слишком много петухов могут испортить воздух» (Too Many Cocks Spoil the Breath)¹.

ОТКРОВЕННО ГОВОРЯ, Я БЫЛ НЕЗАСЛУЖЕННО ОБВИНЕН В АГРЕССИВНОМ ПОВЕДЕНИИ МИМИ. Ведь правда, Харрингтон-роуд 10 был не лучшим местом обитания для обезьяны? Впрочем, моя мать стояла на своем. Спустя десять лет после моего рождения она повела меня и Джулиана в зоопарк в Чессингтоне. Подойдя к вольеру с обезьянами, мама издала крик: «Мими!», более чем достойный ее слабого тенора. Одна из обезьян озадаченно повернула голову. «Смотрите, она узнала меня. Это Мими!» — торжествуя сказала мать, когда обезьяна с жутким агрессивным ревом начала метаться по клетке. — Она всегда ненавидела одну только мысль о тебе, а сейчас видит тебя вживую».

История моей жизни? Возможно, это лучшее место, с которого стоило бы начать.

¹ Слово «сось» в английском имеет несколько значений. В данном случае происходит игра слов: coss — это и петух, и мужской половой орган.

Персей и Компания

Я родился 22 марта 1948 года в Вестминстерском госпитале с огромным родимым пятном на лбу. Мама говорила, что я был избавлен от него по милости какого-то целителя. Другие, правда, утверждали, что родимое пятно исчезло само собой. Но мама была так убедительна, что я свято верил, что пятно может возникнуть снова, если я буду плохо себя вести.

Мое первое воспоминание связано с больницей, где я лежал в три года с острым приступом аппендицита. По словам мамы, мне поставили диагноз в самый последний момент, когда аппендикс уже практически разорвался. Моим лечением занимался дядя Джордж, тогда еще «партнер» тетушки Ви (они еще не были женаты). Как раз он вовремя не поставил мне верный диагноз. По мере того, как мои отношения с дорогой тетушкой Ви расцветали, семейное предание о недиагностированном аппендиците обрастало все более устрашающими подробностями. Мать, например, вспоминала о том, что меня слишком рано выписали из больницы, якобы потому что Дядя Джордж боялся, что мои крики отрицательно скажутся на его карьере. В то время она была глубоко беременна Джулианом и, возможно, поэтому так остро на все реагировала.

Второе мое воспоминание — когда мне сказали, что у меня родился брат. Это был солнечный весенний день, я играл в парке Терло сквер Гарден, от которого у нас были ключи. Кажется, тогда я не совсем понял, что значит — иметь брата, но дальше воспоминание обрывается.

Я ничего не помню о маленьком Джулиане. Наверное, потому, что тогда в моей жизни появился кот Персей. Персей был замечательным сиамцем с квадратной мордой и темными пятнами. Я сразу же полюбил Персея. Отец тоже был очарован котом. Но только теперь я понимаю, что не стоит заво-

дить животное, чтобы оно постоянно сидело взаперти. В кошмарах я до сих пор слышу его истошные крики с требованием выпустить его на улицу.

Таким же оглушительным было его низкое сиамское мяуканье, когда семилетний я спросил, можно ли брать его на прогулку по Терло-сквер. Мама и бабушка разрешили. Какими же беспечными были родители в то время! Едва ли сейчас вы отпустите своего ребенка гулять с котом на поводке по окрестностям Южного Кенсингтона.

В общем, я стал регулярно гулять с Персеем, ведя его на поводке, как собаку. Мы ходили к железнодорожному вокзалу, единственному зеленому островку, знакомому нам с Джулианом в школьное время. Однажды Перси сбежал. Спустя пять часов его нашли на пешеходном переходе, которым мы пользовались каждый раз во время наших прогулок. Дрессировка не прошла даром.

Годы спустя я присматривал за умирающим Перси. В какой-то момент он с трудом выбрался из своей корзинки и начал так же истошно мяукать, как когда просился на прогулку. Бедный старичок царапал входную дверь с таким упорством, как будто за ней притаился кролик. Мне пришлось надеть на него ошейник с поводком. Ему было тяжело ходить, поэтому я посадил его себе на плечо. Перси всегда нравилось так сидеть.

За год или два до этого транспортное движение в Южном Кенсингтоне превратили в нечто ужасное. Говорят, в то время у нас была самая сложная система светофоров в Европе. Персей никогда не учился пользоваться светофором, но было ясно, что он хочет погулять там, куда мы с ним ходили в детстве.

Мы добрались до места, где раньше был наш пешеходный переход. Перси попытался слезть с моего плеча, и я поставил его на землю. Несколько секунд он сидел и шипел, глядя на новый светофор. Затем он поднялся и сам двинулся по направлению к нашему дому. На следующий день он умер. Я обязан «Кошками» не только маминому чтению на ночь (она читала мне «Популярную науку о кошках, написанную Старым Оппоссумом» Т. С. Элиота), но и Персею.

Мое третье воспоминание из 1951 года настолько шокирующее, что тоже может быть причиной, по которой я совсем не помню Джулиана в младенчестве. Оно связано с моим появлением на обложке журнала Nursery World. Мама наняла фотографа, усадила меня на стул со скрипкой и смычком, появилась тошнотворная фотография, иллюстрирующая

статью, которая преследует меня и по сей день. Мама была невероятно амбициозна относительно своего потомства. К несчастью, я был не самым покладистым ребенком. И, совсем как Джипси Роза Ли, я выбрал не ту карьеру, что хотела для меня мать. Не в качестве стриптизера, конечно. По крайней мере, не публично.

Мама была первоклассным детским учителем по фортепиано. Она умерла в 1994 году, но до сих пор остается легендой среди хороших и не очень людей, населяющих юго-запад Лондона. В 1950 году мама с парой по фамилии Рассел основала подготовительную школу Уэтерби. Миссис Рассел, правда, в первую очередь была заинтересована в порке незадачливых учеников. Я был одним из первых детей, переступивших порог школы. Она имела оглушительный успех. Ее учениками были такие знаменитости как принцы Уильям и Гарри и Хью Грант.

Моя мать принимала активное участие в рождении школы. В те дни родители из самых разных слоев общества хотели, чтобы их дети учились играть на фортепиано. Мамины талант и терпение в этом деле обеспечивали Уэтерби успех и процветание. Любой, кто когда-либо пытался научить ребенка играть простые, но ужасно заунывные песенки, знает, что для этого нужно быть либо святым, либо глухим, либо, скорее всего, и тем, и другим. Мамино терпение достойно поклонения. Я предполагаю, что всю свою жизнь она провела около 100 000 уроков для новичков. Более того, она со всей ответственностью подходила к занятиям.

Я признаю, что именно благодаря мамины урокам фортепиано я получил базовые музыкальные знания. Беда лишь в том, что их было слишком много. И была это несчастная скрипка. Мамина идея заключалась в том, что я выйду на международную сцену и прославолюсь как сверходаренный юный скрипач в стиле Иегуди Менухина. Ее надеждам было не суждено сбыться.

Следующим инструментом из шкафа была валторна. Признаться, дуть было лучше, чем пилить. И двенадцатилетнему мне нравилось играть на этом эволюционировавшем охотничьем инструменте. Но именно тогда наступил кризис. Мамино стремление заставить меня постоянно совершенствоваться на музыкальном поприще привело меня к полному неприятию сонаты для валторны Пауля Хиндемита. Я где-то прочитал, что Хиндемит разработал ряд теорий о значении начинающих музыкантов. Моя же теория заключалась в том, что некоторые его композиции были созданы, чтобы такие инстру-

менталисты, как я, покончили с музыкой раз и навсегда. И в моем случае, Хиндемит достиг небывалого успеха. После попытки сыграть его сонату, я положил валторну в футляр, где она и лежит по сей день.

Очевидно, мама в своих стремлениях переключилась с отца на меня. Но, чтобы понять почему, вам нужно узнать кое-что о моем отце. Билли Ллойд Уэббер был мягким человеком, который испытывал трепет перед властью в любом виде. Однажды он спрятался в шкафу, потому что случайно вызвал пожарных. Тогда бабушка забыла про курицу в духовке, и дым заполнил всю квартиру. Отец был уверен, что его внесут в особый список людей, злоупотребляющих службами экстренной помощи.

Семья Билли была из рабочего класса. Его отец был водопроводчиком и страстным музыкантом-любителем. Как и многие его современники, дедушка пел в разных церковных хорах. И мой отец был погружен в позднюю хоровую традицию Высокой церкви девятнадцатого века, любимую англиканскими организациями, где дедушка упражнялся в пении. В детстве отец получил несколько музыкальных стипендий. В беспрецедентно юном возрасте он был удостоен премии Королевского колледжа музыки. Он также стал самым молодым в истории органистом и хормейстером в Церкви Святого Киприана. Но, несмотря на многочисленные таланты, отец и мухи не мог обидеть. Все, чего он хотел, — это приятной и тихой рутины.

К тому времени, когда мне исполнилось десять лет, отец начал все больше увлекаться своими академическими ролями, такими как профессор композиции в Королевском музыкальном колледже. В 1959 году он стал руководителем Лондонского музыкального колледжа, что ознаменовало конец его устремлений в качестве композитора. Ему казалось, что его произведения идут вразрез с временем, и он все чаще писал «легкую музыку» под псевдонимом или музыку для любительских церковных хоров. Маму приводило в ярость подобное отсутствие каких-либо амбиций. Тем не менее, она всегда настаивала, чтобы я слушал отцовские кантаты и хоралы, особенно первое исполнение. Даже Джулиан, который едва ли был достаточно взрослым, слушал произведения отца. Но со временем новых композиций становилось все меньше. И, казалось, отец вовсе перестал писать. По крайней мере, мы так думали. Но после смерти отца Джулиан обнаружил тайник с произведениями, которые никогда не исполнялись. Некоторые из них были невероятно хороши.

2

Волшебные руины

Три великие страсти — живопись, музыкальный театр и архитектура, — впоследствии сформировавшие мою жизнь, дали знать о себе довольно рано. Моя любовь к архитектуре началась, едва я себя помню, со странной романтической одержимости разрушенными замками и аббатствами. К моему отрочеству это увлечение переросло в любовь ко всем видам архитектуры. Возможно, меня привлекала неизвестность и таинственность — в ДНК семьи Ллойд Уэббер нет визуальных искусств.

В случае с театром и поп-музыкой все намного проще. В нашей семье была традиция: каждый год мы ходили на рождественское представление в Лондон Палладиум¹. Меня восхищало абсолютно все. В те дни Палладиум был синонимом популярного эстрадного театра. Все звезды играли там. Представление соединяло в себе знаменитостей, грандиозные декорации, современные популярные песни. Все это составляло хитроумный микс для пятилетнего ребенка. В одном из таких представлений была линия Алладина, которую я до сих пор люблю:

Алладин потирает лампу. Из нее появляется джин:

— Чего желаете, повелитель?

— Желаю услышать, как Альма Коган поет «Sugar in the Morning»

Занавес поднимается, а за ним Альма Коган поет «Sugar in the Morning».

Очень скоро я построил свой первый игрушечный театр. Это была горячо любимая версия игрушечного театра Поллока, которая в итоге стала большой конструкцией из кирпичей, нареченной «Харрингтон

¹ Уникальное британское театральное развлечение для всей семьи, которое восходит к девятнадцатому веку. Его популярность совершенно необъяснима для не британцев.